

—

(Часть 30)

В конце концов, это было делом полиции Линьчэна. Хотя Янь Чангэ и присутствовал при обсуждении, у него не было оснований вмешиваться в дальнейшее расследование. Кто бы мог подумать, что обычное дело о серийных убийствах вскроет столько мрачных тайн; похоже, за день или два это не закончится.

«Большое спасибо за вашу помощь в последние несколько дней, инструктор Янь», — сказал начальник Сюй Янь Чангэ после того, как выслушал отчет Шэнь Ифэя. — «Без вас полиция Линьчэна и отряд вооруженной полиции понесли бы тяжелые потери».

«Искоренять зло ради народа и вычищать вредителей из мира боевых искусств — это долг каждого воина. Начальник Сюй, не стоит благодарности. У меня вспыльчивый характер, я не выношу подобных темных дел. Это я должен благодарить полицию Линьчэна за поддержку и за то, что дали мне возможность разобраться с этими «паршивыми овцами», — искренне ответил Янь Чангэ.

Начальник Сюй: «...»

Он всегда считал, что если его умение говорить официальным языком и не первое в мире, то в пределах Линьчэна ему точно нет равных. Но сегодня он встретил достойного противника. Каким же широким кругозором и великодушием нужно обладать, чтобы выставить свои заслуги ничтожными и вместо этого благодарить тех, кому помог? Каков уровень духовного развития!

Шэнь Ифэй: «...»

Его всегда мучило любопытство: как этот человек с лицом «главы демонического культа» умудряется произносить такие праведные речи, достойные выпуска вечерних новостей? Даже в официальных отчетах формулировки Шэнь Ифэя были менее формальными, чем случайные фразы Янь Чангэ. Тот просто следовал протоколу или действительно так думал?

Если первое, то у него невероятный литературный талант; если второе — то его мышление достигло уровня великих вождей!

Вспомнив, как часто ему хотелось наставить пистолет на «великого человека», Шэнь Ифэй почувствовал укол стыда, но ничего не мог с собой поделать — это была инстинктивная реакция.

«Тогда...» — начальник Сюй замялся, прежде чем продолжить. — «Хоть это и не совсем по уставу, но мы не знаем, насколько силен противник, и нам очень нужна поддержка мастера боевых искусств. Если в будущем возникнут сложные ситуации, можем ли мы снова просить инструктора Яня о помощи? Обещаю, мы не заставим вас делать ничего слишком опасного. И в будущем вы не должны действовать так рискованно, как сегодня — ваша безопасность для нас важнее всего!»

Янь Чангэ ответил без колебаний:

«Если это нужно полиции, народу или стране — Янь Чангэ сделает всё, что в его силах, пойдет и в огонь, и в воду. Начальник Сюй, не говорите больше о том, кто важен, а кто нет. Каждый полицейский, каждый солдат и каждый простой гражданин — это опора страны, их жизни важнее моей. Раз уж природа наделила меня выдающимися навыками, я обязан нести большую ответственность. Мой талант должен служить делу. Начальник Сюй, не скромничайте, просто отдавайте распоряжения, когда потребуется».

Начальник Сюй: «...»

Шэнь Ифэй: «...»

У обоих по коже побежали мурашки. Неужели нельзя произносить эти киношные цитаты в духе «с большой силой приходит большая ответственность» менее пафосно? Но если перевести этого парня в полицию Линьчэна, то за написание отчетов и материалов можно будет больше не беспокоиться!

«Кхе-кхе», — произнес начальник Сюй. — «От лица всех сотрудников полиции Линьчэна, бойцов вооруженной полиции и широких народных масс я благодарю инструктора Яня за неоценимую помощь. Если вам что-то понадобится в жизни или работе — только скажите. Если это не противоречит закону, справедливости и общественной морали, наше управление сделает всё возможное, чтобы удовлетворить вашу просьбу».

Услышав такое обещание, Янь Чангэ признался:

«Раз так, у меня действительно есть одна просьба».

«Говорите не таясь», — начальник Сюй, как опытный лидер, наконец настроился на волну Янь Чангэ.

«Мой возлюбленный, Цюй Лянь, обладает необычной судьбой: каждое пятилетие его настигает беда. В этом году ему двадцать пять, и до наступления Нового года по лунному календарю осталось еще четыре месяца. Я боюсь оставлять его одного, но и брать в опасные места не хочу. Могу ли я оставлять его в полицейском управлении, когда ухожу на задание? И не могли бы вы поручить паре женатых полицейских гетеросексуальной ориентации присмотреть за ним? Не волнуйтесь, это не доставит хлопот. Полиция — место справедливости, способное

подавить любой негатив. Пока он внутри управления, ему не грозит большая опасность», — сказал Янь Чангэ.

Начальник Сюй и Шэнь Ифэй: «...»

В этой речи было столько моментов, которые хотелось прокомментировать или высмеять, что они просто не знали, с чего начать. С другой стороны, просьба была не чрезмерной — нельзя допускать, чтобы семья человека, сражающегося за страну, была под ударом.

Начальник Сюй тут же кивнул:

«Без проблем! Как насчет меня? Пусть сидит в моем кабинете, я лично за ним присмотрю!»

Янь Чангэ внимательно посмотрел на начальника Сюя. Он увидел ясный взгляд, прямопу в чертах лица, а аура его была редкого белого цвета — признак честного и надежного человека. К тому же мужчине было за пятьдесят, вряд ли он увлечется таким легкомысленным молодым человеком, как Цюй Лянь.

Поэтому прямолинейный Янь Чангэ не стал церемониться и кивнул:

«Начальник Сюй — самый честный и верный слову человек из всех, кого я встречал. Поручить вам Цюй Ляня — значит обрести спокойствие».

Шэнь Ифэй: «...»

Весь разговор Шэнь Ифэй служил лишь фоном, не в силах вставить ни слова. Беседа этих двоих была настолько высокопарной, что он едва не сплевывал кровью от напряжения, просто слушая их, не в силах угнаться за ходом их мыслей.

После обсуждения и начальник Сюй, и Янь Чангэ остались довольны. Сюй радовался, что нашел «оберег» для своих оперативников, работающих на передовой, а Янь Чангэ был рад, что ему на блюдечке поднесли способ получения заслуг и помогут присмотреть за Цюй Лянем. Настоящая двойная выгода.

Выйдя от начальника, Янь Чангэ нашел Цюй Ляня, и они собрались домой. Янь не был профессиональным следователем, так что в расследовании его помощь не требовалась. Он будет вступать в дело только тогда, когда полиции потребуются его силы, а в остальное время он был свободен.

На обратном пути машину снова вел Цюй Лянь. Перед тем как сесть в салон, Янь Чангэ с тревогой взял его за запястье:

«Веди осторожнее. Я рядом с тобой, и сейчас ты больше всего подвержен влиянию негативной энергии».

«Угу», — кивнул Цюй Лянь. — «Я буду осторожен».

То ли из-за предупреждения Янь Чангэ, то ли из-за того, что негативная энергия уже выплеснулась у ворот полицейского участка и теперь временно иссякла, но до дома они добрались без происшествий. Дома их уже ждали кот и три собаки. Как только хозяйка вернулась, звери тут же повели их к местам своего ежедневного «метаболизма», требуя, чтобы «уборщики» вычистили территорию и поднесли свежие подношения.

За время совместной жизни животные привыкли к Янь Чангэ. Каким бы страшным он ни казался, он был хозяином.

Повозившись немного с питомцами, Янь Чангэ принял душ, переоделся, надел фартук и принялся готовить ужин для Цюй Ляня.

Попробовав стряпню Янь Чангэ, Цюй Лянь понял, что еда в ресторанах — редкостная гадость. Янь Чангэ тоже считал, что в домашней еде меньше «медленных ядов», поэтому взял на себя роль шеф-повара, готовя питательные и целебные блюда для укрепления здоровья Цюй Ляня.

Во время еды Цюй Лянь посмотрел на Янь Чангэ, который молча наблюдал за ним, и спросил: «Тебе правда не нужно есть?»

Янь Чангэ улыбнулся: «Правда. На самом деле обычная еда содержит примеси, которые плохо влияют на чистоту врожденной чистой энергии. Раз уж я достиг стадии отказа от пищи, лучше мне не есть».

«Я слышал, как ты сегодня задал всем жару», — сказал Цюй Лянь с горящими глазами. — «Ты и впрямь тот самый бессмертный отшельник из романов сянься, который может летать и перемещаться под землей?»

«Не фантазируй, как можно верить в такие антинаучные вещи», — поправил его Янь Чангэ. — «Согласно законам энергии, я просто накопил её чуть больше, чем другие. Обычные люди преобразуют энергию из пищи во внутреннюю энергию для жизни, а я могу поглощать энергию напрямую, поэтому мне не нужно пополнять её иными способами».

Цюй Лянь: «...По-моему, то, что человек может поглощать электричество, само по себе не очень научно».

«Тебе стоит верить в человеческие возможности и безграничность науки», — серьезно ответил Янь Чангэ. — «Как только мы познаем истину мира, всё станет возможным».

Цюй Лянь: «...»

Эта тема была вечным спором между двоечником и отличником. Цюй Лянь никак не мог обсуждать с Янь Чангэ закон сохранения энергии или атомную физику — у него голова шла кругом, стоило только увидеть, как Янь решает задачи.

Иногда, открывая тетради Янь Чангэ, исписанные аккуратным почерком, Цюй Лянь проникался сочувствием к абитуриентам Линьчэна, которым предстояло сдавать экзамены в следующем году. Они учились десять лет, чтобы в итоге проиграть человеку, который еще год назад не знал упрощенных иероглифов. Каково им будет?

А учитывая, что Янь Чангэ нацелился на лучший университет страны... Цюй Лянь мысленно поставил свечку за упокой надежд всех остальных студентов.

(Часть 31)

После ужина Цюй Лянь и Янь Чангэ по традиции вывели кота и собак на прогулку. По возвращении Цюй Лянь занялся физическими упражнениями, а Янь Чангэ сел за учебники. Математику и естественные науки для экзаменов он уже практически освоил, теперь он сосредоточился на китайском и английском.

Несмотря на то, что сейчас их страна была ведущей мировой державой и китайский язык был обязательным для изучения во многих странах, государственная программа требовала от каждого студента знания иностранного языка для всестороннего развития. Янь Чангэ выбрал английский как самый простой и распространенный, но структура этого языка в корне отличалась от китайского. Здесь Янь Чангэ наконец столкнулся с трудностями.

Сейчас он корпел над учебником английского для первого года обучения в средней школе. Слова он запоминал легко — при его-то божественном чутье он помнил события тысячелетней давности, что ему пара слов? Но вот перестройка грамматики была делом привычки, и чем глубже была его связь с родным языком, тем сложнее давался английский.

Видя, как Янь Чангэ сражается с английским для начинающих, Цюй Лянь почувствовал легкое злорадство. Он верил, что Янь со всем справится, поэтому мог позволить себе расслабиться и наблюдать, как великий мастер, прошедший через бури и грозы, буксует в маленькой лужице.

Янь Чангэ был прямым мечом, а не каким-нибудь западным гибким клинком. Он от природы любил прямые и четкие линии иероглифов и недолюбливал округлые латинские буквы.

Устав от занятий, он потянулся. Боковым зрением он заметил Цюй Ляня, который ел клубнику и посмеивался над ним. В его улыбке читалось неприкрытое ехидство.

Янь Чангэ протянул руку и слегка сжал подбородок Цюй Ляня, не давая ему откусить ягоду.

Между ярко-красными губами была зажата алая клубника — зрелище было невероятно соблазнительным.

«Тебе весело оттого, что я не могу выучить английский?» — спросил Янь Чангэ низким голосом, потирая пальцем гладкий подбородок Цюй Ляня.

Цюй Лянь попытался кончиком языка затащить клубнику в рот и что-то невнятно промычал, явно не воспринимая угрозу всерьез. Другие боялись даже приближаться к Янь Чангэ, а Цюй Лянь не пугался даже его гнева — неизвестно, откуда у него взялись такие стальные нервы.

Янь Чангэ наклонился и забрал клубнику себе в рот, сказав Цюй Ляню:

«Хочешь клубнику — посмотрим, сможешь ли ты её у меня отнять».

Цюй Лянь тут же набросился на него, пытаясь языком отвоевать ягоду. Несчастливая клубника в этой схватке быстро превратилась в джем. Красный сок потек из уголка рта победителя — Цюй Ляня, скатился по шее к кадыку. Капля дрожала на коже, готовая вот-вот упасть.

Янь Чангэ, который никогда не ел человеческую пищу, казалось, очень полюбил клубнику. Он не только забирал ягодный джем изо рта Цюй Ляня, но и не пропустил сок, текущий по его шее. Кончиком языка он подхватил готовую сорваться каплю и проделал обратный путь по следу сока до самых губ, запечатывая победу поцелуем.

Тяжело дыша, Цюй Лянь крепко обнял Янь Чангэ: «Да когда уже можно будет? Неужели правда ждать пять или десять лет? Я чувствую, что сейчас взорвусь!»

Совсем недавно он говорил, что готов ждать, но теперь терпение лопнуло. Охваченный страстью, Цюй Лянь принялся рвать футболку на Янь Чангэ.

«Нельзя», — Янь Чангэ перехватил его беспокойные руки и серьезно произнес: «Тебе нужно набраться терпения, ради того, чтобы дожить до ста лет».

«Лучше умереть под цветком пиона, но прожить миг ярко. Даже если я доживу до ста, заниматься этим можно будет только... раз, два, три... Мне уже двадцать пять, пик пройдет к шестидесяти? Осталось всего тридцать пять лет, плевать на это долголетие!» — в отчаянии Цюй Лянь попытался схватить Янь Чангэ пониже живота.

Янь Чангэ снова перехватил его руки и поцеловал мочку уха Цюй Ляня: «Верь мне».

«Верить, что ты сможешь делать это и в сто лет?» — спросил Цюй Лянь, окончательно размякнув от ласки.

«Можно и в двести», — улыбнулся Янь Чангэ, прижимая его к себе.

В этот момент внутри него возникло странное ощущение.

Словно когда он был божественным оружием и встречал равного противника — гордость духа меча пробуждалась, желая выплеснуть всю мощь в одном ударе. Или словно когда он переходил из рук в руки и встречал настоящего полководца, сражающегося за народ — и был готов отдать все силы, чтобы помочь ему защитить людей. Или словно когда он только родился в кузнечном горне, обретая форму в огне.

Всё сразу и ничего из этого.

Янь Чангэ не понимал этого чувства. Боясь навредить Цюй Ляню, он поспешил подавить его. Обычно контролировать ауру меча было легко, но в этот раз всё было странно: чем сильнее он давил это чувство, тем сильнее оно сопротивлялось. Ему хотелось сойти с ума, прижать Цюй Ляня к дивану, принять истинную форму и пронзить его насквозь длинным мечом...

Нет-нет, не мечом. Но чем же? Кроме меча, что у него есть?

«Ладно, нет так нет. Считаю, что у меня просто гормоны в голову ударили и я потерял рассудок», — увидев, что выражение лица Янь Чангэ становится всё более странным, Цюй Лянь решил, что тот разозлился на его капризы. Он попытался выбраться из объятий, но не тут-то было — руки Янь Чангэ, словно стальные тиски, намертво сковали его талию.

«Что такое?» — Цюй Лянь попытался разжать его руки, но безрезультатно. — «Полегче, ты мне больно делаешь».

Услышав слово «больно», Янь Чангэ с неохотой разжал хватку. Это тело в его руках было таким хрупким, казалось, стоит приложить чуть больше силы — и брызнет кровь, как это случалось бесчисленное количество раз в прошлом, когда люди умирали от его стали.

Но это неправильно. Он никогда не хотел убивать Цюй Ляня. Так откуда же это желание «пронзить»? Если не мечом, то чем?

Янь Чангэ вдруг осенило: «Тот фильм, который ты хотел посмотреть со мной в прошлый раз... покажи мне его еще раз».

Глаза Цюй Ляня загорелись: «Конечно! Наконец-то тебе стало интересно? Хе-хе-хе».

«Дело не в интересе», — глубокомысленно изрек Янь Чангэ. — «Просто хочу изучить и исследовать этот вопрос».

Цюй Лянь: «...»

Так как Янь Чангэ настоял на одиночном просмотре, Цюй Лянь оставил ноутбук в его комнате, а сам ушел к себе, закрыв дверь. Он боялся, что если услышит звуки из комнаты Чангэ, то не сдержится и ворвется к нему. Он надел наушники и включил музыку.

Интересно, что он там исследует? Цюй Лянь лежал и листал Weibo. Число подписчиков Янь Чангэ достигло пика в два миллиона и перестало расти. Одних старых видео было мало, нужен был новый контент. Впрочем, Цюй Лянь об этом не беспокоился — Шан Хуайюань наверняка что-нибудь придумает.

В этот момент пришло личное сообщение от Чжао Инъюя: [Ты репостишь записи с автографами Янь Чангэ, а в WeChat не отвечаешь. Пойдем сегодня тусить? Линь пригласил нескольких молодых звезд, там есть типажи в твоём вкусе.]

Цюй Лянь переключился в их общий чати увидел, что несколько человек обсуждают, куда пойти вечером. Чжао Инъюй много раз отмечал его в своих сообщениях, но WeChat Цюй Ляня всегда был в режиме «Не беспокоить», поэтому он ничего не слышал.

Чжао Инъюй: [@Второй молодой господин Лянь, выходи развлекаться.]

Второй молодой господин Лянь: [Не пойду, занят дома.]

Линь Хэнъянь: [Давно не виделись. В прошлый раз на скачках меня не было, слышал, у тебя там инцидент случился, и какой-то мастер тебя спас? В Weibo только о нем и говорят. Он правда такой крутой?]

Второй молодой господин Лянь: [Круче, чем ты можешь представить. Таких не было до него и не будет после, он такой один на всём белом свете. К тому же он благородный человек, добрейшей души — из тех, кто подбирает бездомных кошек и собак. У меня дома теперь четыре новые жизни, и боюсь, это не предел.]

Чжао Инъюй: [Он разводит у тебя приют для животных? Этот альфонс не слишком ли обнаглел? И ты ему это позволяешь?]

Второй молодой господин Лянь: [Мне это в радость, я тоже люблю делать добрые дела. Если ты такой смелый — скажи ему это в лицо. А то как видишь его, так сразу за спины прячешься!]

Ли-эр: «...»

Лун-Лун: «...»

Тысячемильный конь: «...»

Линь Хэньян: [Что такое? Разве Инъюй не достаточно храбр, чтобы нести ответственность за свои слова? По-моему, разводить зверинец в чужом доме — это перебор. Почему нельзя сказать прямо?]

Ли-эр: [Линь-гэ, этот человек...]

Лун-Лун: [То, что мы вообще можем стоять в его присутствии — уже достижение.]

Тысячемильный конь: [Стоит ему на меня взглянуть, и мне хочется упасть на колени и молить о пощаде. Я до сих пор не понимаю, как Сяо Лянь осмеливается быть с ним так близок. Из-за него я даже поверил, что в сборниках задач для подготовки к экзаменам скрыты какие-то тайны боевых искусств. Купил себе комплект и решаю уже несколько дней. Брат думает, я умом тронулся, спрашивает, не решил ли я, что мне снова шестнадцать.]

Линь Хэньян: [Что за бред вы несете? Мастер боевых искусств? И насколько же он хорош?]

Ли-эр: [Боюсь расстроить тебя правдой.]

Лун-Лун: [Я боюсь говорить правду.]

Тысячемильный конь: [Но и скрывать факты нельзя, Линь-гэ...]

Второй молодой господин Лянь: [Он сильнее тебя в сто раз.]

Чжао Инъюй: [...]

Линь Хэньян: [Ха-ха, тогда тем более стоит помериться силами. Посмотрел я видео в сети — ничего особенного, просто техника перемещения хорошая. Интересно, каков он в бою?]

Второй молодой господин Лянь: [Мне и сравнивать не нужно, я и так знаю результат. Ты мотоцикл в руках удержишь?]

Линь Хэньян: [Раз ты так уверен, давай сегодня. Приходи в подпольный бойцовский клуб, устроим пари. Давно я не подрабатывал, интересно, помнят ли меня там.]

С этими словами он скинул адрес в манере, не терпящей возражений.

Цюй Лянь нахмурился и написал: [Не пойдет. Он сегодня помогал полиции накрывать логово бандитов с тяжелым вооружением, потратил все силы и до сих пор слаб.]

Чжао Иньюй: [Отмазки.]

Линь Хэнъянь: [У него внутренние ранения? Сколько нужно на восстановление — года хватит? Заодно будет время поучиться боксу.]

Этот откровенный сарказм так взбесил Цюй Ляня, что он швырнул телефон: «Линь Хэнъянь, ты самовлюбленный индюк!»

Линь Хэнъянь отличался от компании Цюй Ляня — он был настоящим мастером из потомственной семьи боевых искусств. В молодости он участвовал в реалити-шоу и был очень популярен. Но на пике славы он внезапно исчез и вернулся через несколько лет совершенно другим человеком. Раньше он был просто золотым мальчиком из клана, но вернувшийся Линь Хэнъянь стал истинным наследником школы Наньцюань (Южного кулака). В его взгляде читалась жажда крови. Отец Цюй Ляня когда-то говорил сыну, что Линь Хэнъянь, вероятно, «видел кровь», и с такими людьми опасно иметь дело.

Линь Хэнъянь не был изначально назначен наследником — в боковой ветви семьи был парень талантливее. В те времена Цюй Лянь и его друзья-повесы неплохо ладили с ним. Но после его возвращения они стали отдаляться — слишком разными стали их миры.

Однако, поскольку семья Линь была покровителями семьи Чжао, Чжао Иньюй и Линь Хэнъянь дружили с детства, и круг общения не исключал Линь Хэнъяня полностью.

Линь Хэнъянь годами терпел похвалы в адрес того талантливого родственника, и теперь, обретя силу, он не выносил, когда кто-то сомневался в его превосходстве. Его мастерство было выковано в реальных боях. Первым делом по возвращении он бросил вызов тому «гению» и так избил его, что у того осталась психологическая травма на всю жизнь.

Такой человек, как Линь Хэнъянь, не принимал отказов. Если вызов брошен, он найдет способ заставить противника драться.

Цюй Лянь злился на себя за то, что не сдержался и начал хвастаться Янь Чангэ в чате, забыв о характере Линь Хэнъяня. А Чжао Иньюй, похоже, намеренно спровоцировал этот интерес.

«Что случилось?» — раздался голос Янь Чангэ за дверью.

Цюй Лянь нехотя открыл дверь: «Ничего... телефон уронил. Ты закончил смотреть фильм?»

«Посмотрел», — кивнул Янь Чангэ. — «Кто такой Линь Хэнъянь и почему он тебя расстроил?»

Янь Чангэ подошел к углу комнаты и поднял телефон. Аппарат был дорогим и прочным — даже после такого удара он продолжал работать. Экран не был заблокирован, и Янь Чангэ, проведя пальцем, открыл чат WeChat и пролистал переписку.

«Не обращай внимания!» — сказал Цюй Лянь. — «Ты сегодня истощен, отдыхай. Нечего тратить время на этих бездельников».

«Пустяки», — спокойно ответил Янь Чангэ. — «Раз человек приглашает столь искренне, я не могу отказать. В этом и заключается благородство».

Он вернул телефон Цюй Ляню, и его лицо стало суровым.

Как раз вовремя. В нем клокотала энергия, которой не было выхода. Он надеялся, что этот Линь Хэньян окажется достаточно силен, чтобы выдержать хотя бы один его удар.

—

Автору есть что сказать:

Цюй Лянь: «Ты — древний меч из черного железа, который пролежал в могиле сотни лет и не заржавел! На кой черт тебе это масло для металла?!»

Янь Чангэ (вздыхает): «Тогда у меня были ножны».

Цюй Лянь: «Ха-ха».

Янь Чангэ (вздыхает): «А теперь у меня есть ты».

Цюй Лянь: «Я всё не пойму, для тебя вообще есть разница между мной и ножнами?»

Янь Чангэ: «Есть».

Цюй Лянь: «Какая?»

Янь Чангэ: «Мне не нужно выходить из ножен, как только я вхожу, но с тобой мне приходится постоянно входить и выходить, что приводит к большому износу, так что масло нужнее».

Цюй Лянь: «...»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285734>